Завтрашний день кошки

Автор:
Бернар Вербер

Завтрашний день кошки

Бернар Вербер

Бесконечная Вселенная Бернара Вербера

Знакомьтесь – Бастет и Пифагор, удивительные кошки. Их жизнь полна невероятных приключений, а сами они достойны восхищения.

Бастет устала от размеренной жизни в квартире, она мечтает понимать людей и научиться с ними общаться. Пифагор живет в лаборатории, у него на макушке есть USB-разъем, через который он может подключаться к компьютеру и таким образом получать знания о мире. Наблюдая за людьми, Бастет и Пифагор решают, что человечество пора спасать от его пороков и противопоставить агрессии людей духовную просветленность кошек. Но эта задача оказывается сложнее, чем казалось на первый взгляд, вынуждая кошек отступить и самим принять правила человеческой цивилизации. Но, может быть, еще не поздно все изменить?

Бернар Вербер

Завтрашний день кошки

© Кожевникова Е., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. «Издательство «Эксмо», 2021

Посвящаю моей подруге, писательнице Стефани Жанико.

Это она подарила мне кошку Домино, которая топчется по клавиатуре компьютера всякий раз, как заметит, что я увлеченно печатаю (иными словами, осмеливаюсь интересоваться чем-то, кроме нее).

Пес думает: «Люди кормят меня, защищают, любят. Наверное, они боги».

Кот думает: «Люди кормят меня, защищают, любят. Наверное, я их бог».

Безымянный автор

«Только свиньи признают нас равными себе».

Уинстон Черчилль (человек-политик)

«Собака способна различить и запомнить не менее ста двадцати человеческих слов, команд, моделей поведения. Может научиться считать до десяти и решать простые примеры на сложение и вычитание. Стало быть, разум собаки подобен разуму пятилетнего ребенка.

Если же вы попробуете научить кошку считать, выполнять команды, отвечать на прямые вопросы или подражать человеку, она немедленно даст вам понять, что ей просто некогда заниматься подобными глупостями. Следовательно, разум кошки подобен разуму… пятидесятилетнего взрослого».

Профессор Эдмонд Уэллс (человек-ученый, в чьем доме живет кошка)

1

Цель моих исследований

Как я постигла человеческую природу?

Уже в детстве люди казались мне увлекательной притягательной тайной.

Чем больше я наблюдала за тем, как они ходят туда-сюда, за их движениями, необъяснимыми, а иногда нелепыми и смешными, тем сильнее меня разбирало любопытство. Два вопроса не давали мне покоя:

Почему они так странно себя ведут?

Сможем ли мы когда-нибудь понять друг друга?

А потом случайно я встретила «его».

И «он» по-настоящему помог мне отыскать глубинные мотивы их необычного поведения, изучить привычки, нравы и повадки.

Ничто так не меняет нашу жизнь, как нежданные встречи.

Не попадись «он» мне, возможно, я бы осталась обыкновенной кошкой, ничем не отличавшейся от других. Скорей всего, без «него» я бы не участвовала в таких удивительных приключениях. Может быть, не совершила бы и своих невероятных открытий, кто знает?

Возвращаясь к истокам моих исследований, для полной достоверности необходимо восстановить картину моей душевной жизни тех лет. В своем доме я осталась одна, без себе подобных, скучала, тосковала и благоразумно надеялась, что все-таки добьюсь взаимопонимания с окружающими.

Еще в ту пору я была глубоко убеждена:

– все живое обладает разумом;

– все разумные существа способны общаться.

Существа, способные общаться, рано или поздно меня поймут.

Общение казалось мне решением всех проблем. Именно от меня зависело, сможем ли мы наладить плодотворный диалог. Хорошо, что я поставила себе такую цель, иначе в чем был бы смысл моего существования? Во сне? В еде? Неужели ночи и дни сменяли бы друг друга, а я бы только спала и ела, не обращая внимания на мир, трепещущий вокруг?

Но мало найти цель в жизни, нужно придумать, как ее достичь, выработать особую стратегию.

Отважусь ли я сделать первый шаг навстречу другим?

С этого все и началось…

2

Первые попытки

Я зажмурилась, глубоко вдохнула, ощутила, как напряглось мое тело, как в голове зашевелились мысли и ощущения.

Мой разум представляется мне серебристым обволакивающим летучим облаком в форме шара, что парит внутри черепной коробки. Он способен растягиваться, увеличиваться, расти, покидать пределы черепа, превращаться в сияющий диск вокруг моей головы. Чем больше диаметр моего разума, тем успешнее он осваивает пространство вокруг. Разум кошки – обширная туманность восприятия, своего рода чувствительная мембрана.

Я уловила волны, набегающие издалека со всех сторон, они захлестнули меня. Десятки всевозможных тварей разных форм и размеров копошились, дышали, думали, изъяснялись на своем языке. Меня пронзила дрожь – так дрожит вся паутина, если с краю запуталась и жужжит попавшаяся муха.

Я не открыла глаз, но прислушивалась изо всех сил.

Вот оттуда, к примеру, бежала струйка шороха.

В зону моего разума-локатора проник несомненно кто-то мыслящий.

Ощутила чье-то смятение.

Открыла глаза, отыскала источник сигнала, направилась в ту сторону.

Разум обнаружил, а зрение опознало объект.

Вот и она. Очаровательное создание.

Я подкралась к ней потихоньку на мягких лапах.

Зрение, обоняние и слух проанализировали ее всесторонне.

Она пахла утонченно, приятно.

Выпуклые темные глазки с тревогой озирались по сторонам.

Лениво, безо всякого аппетита она жевала пирожное с кремом. Острая мордочка, ослепительно-белые зубки. Хрупкие пальчики с длинными черными коготками сжимали кусочек сладкого.

Нет, в самом деле, прелестное существо!

Прежде в подобном случае я непременно решила бы, что она притворяется, будто не замечает меня, а на самом деле просто издевается, проверяет: как я отреагирую? Но теперь мое сознание расширилось, я видела форму жизни, наполненную энергией, и мне предстояло наладить общение с ней.

Нужно лишь настроиться на ее волну.

Подойдем чуть ближе.

Я сосредоточилась и мысленно приветствовала ее как можно отчетливей: «Здравствуйте, мадемуазель!»

Она не ответила, поэтому я сделала еще шаг к ней навстречу. Паркет хрустнул. Она обернулась и вздрогнула при виде меня. Выронила крошку и в ужасе бросилась бежать.

Улепетывала во всю силу изящных мускулистых лапок.

Я бросилась в погоню.

Да она настоящий спринтер! Вот это скорость!

Я постаралась не отставать, даже догнала ее. И тогда заметила еще одну особенность, что, несомненно, усиливала ее неподражаемое обаяние: тонкий длинный розовый хвостик.

Я сосредоточилась и снова обратилась к ней мысленно: «Здравствуйте, милая мышка!»

Она побежала быстрее.

«Нет-нет, постойте! Я не причиню вам зла! Мне нет дела до того, что вы воруете пирожные. Поверьте, мне хочется лишь побеседовать с вами».

Мышка мчалась еще быстрей.

«Прошу вас, не уходите!»

Розовый хвостик извивался на бегу. Сколько ловкости, грации у этой красавицы-мышки! Мне всегда нравились те, кто умеет гармонично двигаться.

Разумеется, чтобы пообщаться с ней всласть, необходимо ее поймать. И я неслась во всю прыть: опрокинула табурет на кухне, разбила вазу в гостиной, разодрала ковер, тормозя на вираже.

Я едва-едва поспевала, не могла остановиться, отстала, в последний момент прыгнула влево, затем вправо, меня занесло на скользком паркете, пришлось вонзить когти в деревянное покрытие. Издали я заметила, как она украдкой нырнула сквозь приоткрытую дверь на лестницу в подвал.

Клубочком скатилась вниз. Я за ней.

Мы оказались возле стиральной машины, посреди пыли и всякого хлама: чемоданов, завернутых старинных картин, колясок, бутылок вина. В темноте. Сквозь подвальное оконце проникал всего один лучик света, так что я полностью расширила зрачки (узкие щелочки превратились в черные окружности), чтобы ясно видеть и свободно передвигаться в полумраке.

Мы, кошки, способны и не на такие подвиги!

Теперь я различала даже мышиный след на пыльном полу. Шла по нему, пока он не исчез.

Закрыла глаза, насторожила чуткие уши, не сомневаясь, что мой исключительный слух непременно обнаружит мышку. Кончики усов задрожали, отсеивая ненужную информацию.

Вот она, нашлась!

След возобновился. Он вел к трещине в стене возле связки поленьев.

Я неслышно приблизилась.

«Мышка, мышка, вы здесь?»

Ее сердце отчаянно колотилось. Ни беспокойством, ни страхом это не назовешь: она была в настоящей панике!

Я наклонилась и увидела, что мышка спряталась в крошечной выемке, с мою лапку величиной.

Она вся дрожала, глазки вылезли из орбит от ужаса, ротик приоткрылся, хвостик прижался к лапкам.

Неужели это я ее так напугала? Не может быть, я же совсем юная, почти котенок…

Я осознала, что долгие годы вражды и непонимания между кошками и мышами не способствуют быстрому преодолению нашего взаимного недоверия. Вновь сосредоточилась, замурлыкала на низкой частоте и послала ей телепатическое сообщение: «Я вовсе не хочу вас убить и съесть. Давайте просто поговорим как два существа, наделенных разумом!»

Она попятилась, сильней вжалась в стену. Задрожала так сильно, что я различила лязг мелких зубок.

Я замурлыкала на средней частоте.

«Не бойтесь меня, мышка!»

Совсем не та реакция: она испугалась еще больше, сердечко забилось сильней, дыхание прервалось… И все равно я верила, что смогу ее переубедить.

«Неужели вам кажется, будто я способна…»

Но тут раздался выстрел, я вздрогнула. Стреляли не у меня дома, а где-то снаружи, на улице. За выстрелом последовали другие: неприятный резкий сухой треск. Послышались пронзительные вопли.

Я выбралась из подвала, поднялась на третий этаж, вышла из спальни на балкон и попыталась сверху разглядеть, в чем причина невообразимой суматохи.

Напротив моего дома возвышалось большое здание с сине-бело-красным флагом у дверей. Оттуда выбежали совсем маленькие люди, детеныши, а перед ними стоял взрослый человек в черном и угрожал им палкой, из которой вылетали с треском яркие вспышки.

Некоторые упали и больше не двигались. Другие разбежались с криками кто куда, а тот, в черном, все стрелял и стрелял из палки. Потом палка испортилась и больше не стреляла. Тогда он запустил ею в детенышей, кричавших и падавших на мостовую, а сам опрометью бросился прочь.

Большие люди догнали его и схватили у самых дверей моего дома. Принялись бить кулаками, пинать ногами.

Множество воющих машин подъехало со всех сторон, люди стонали, плакали, орали что есть мочи.

Черного скрутили и затолкали в самую шумную машину, у которой на крыше вращался синий огонек. Возле моего дома и здания с флагом собралась огромная толпа. Крики и вой наконец-то смолкли, но люди что-то еще тараторили, переговаривались громко, тревожно. Я видела, что их плотным облаком окутывает одно общее ощущение: боль. Один протянул говорящему черный мячик, другой светил на него какой-то штуковиной с лампой. Люди с мячиками лопотали на своем языке, пялясь в штуковину, затем лампа погасла.

Вновь завыл, завращался синий огонек, подъехал белый грузовик. Маленьких людей, что лежали на земле неподвижно, подняли, погрузили в кузов и увезли. Я инстинктивно впитывала волны беды и тьмы, исходящие снизу. Всем телом ощущала боль, злость, чувство несправедливости, что мучили столпившихся людей. Замурлыкала, чтобы очистить пространство вокруг. Происшествие глубоко потрясло и меня, я ведь воспринимаю все вибрации.

Странное поведение. Прежде я не замечала за людьми ничего подобного. Что же заставило их стрелять, вопить, падать, суетиться?

Я всегда любила людей, но в то время совсем их не понимала.

3

Моя домоправительница

Люди непохожи на нас.

Отличаются от кошек даже внешне. Меня всегда удивляло, что передвигаются они на задних лапах в вертикальном положении, хоть это неудобно и лишает устойчивости. Люди крупнее нас, выше. Передние лапы у них оканчиваются широкими ладошками с длинными суставчатыми пальцами. Когти плоские и не втягиваются внутрь. Шкурку они прикрывают тканью. Прижатые овальные ушки располагаются не сверху, а по бокам. Усы чересчур коротки. Хвоста не

разглядеть. Мяукать не умеют, издают гортанью странные звуки, шлепают губами, прищелкивают языком. Пахнут грибами. Большинство людей – шумные, неуклюжие существа с нарушенным чувством равновесия.

Мама всегда говорила: «Опасайся людей! Они непредсказуемы».

Тут я разглядела: сквозь толпу, скопившуюся у моего дома, пробивается мой «домашний человек».

Моя домоправительница – очаровательная человеческая самка. У нее длинная блестящая каштановая грива, стянутая симпатичной красной резинкой.

Ее зовут Натали. Она с трудом протиснулась в дверь с громадной картонной коробкой в руках. Я бросилась к ней под ноги, стала кружить вокруг, тереться, деликатно ее покусывать, давая понять, что я здесь и всегда готова помочь.

От неожиданности Натали зашаталась, едва не упала, но все-таки из последних сил удержалась на задних лапках и затараторила нечто непонятное. Я смогла различить лишь собственное имя: Бастет (изучив ее манеру обращаться ко мне, я сделала вывод, что так она называет меня). Судя по интонации, Натали не прочь поиграть. Я отошла в сторонку, притаилась, прыгнула, застав ее врасплох. Вот теперь она растянулась во весь рост на полу и выронила коробку. Согласитесь, ходить на двух лапах вместо четырех – глупейшая затея и абсолютно дурная привычка.

Я опять потерлась о нее и замурлыкала, ожидая, что Натали меня приласкает, отблагодарит за смешной розыгрыш, дружескую подначку, свидетельство нашего с ней глубокого и полного взаимопонимания. Однако она лишь пробормотала что-то на человечьем непонятном языке. Тут я догадалась, что Натали тоже потрясена ужасным происшествием снаружи. Продолжая отвлекать ее, я предложила новую игру: вцепилась в ее спустившийся носок, уже изрядно мной покусанный, – запах людского пота горьковат, но вполне приятен. Натали не откликнулась, встала на задние лапы и бросилась к коробке, чтобы проверить, не разбилось ли содержимое.

Поглядела внутрь, успокоилась и потащила коробку в гостиную.

Что за странная новая игрушка, тяжеленная, громоздкая? Наверное, там большущий плюшевый зверь, или кукла с колокольчиком, или даже гигантский моток электрических проводов! Обожаю грызть провода!

К моему величайшему разочарованию, Натали извлекла из коробки гладкий скучный черный прямоугольник. Целых полчаса прилаживала его на стену. Когда закончила, я вспрыгнула на стол, потянулась к нему, разглядела поближе, прикоснулась, обнюхала.

Сплошная ровная поверхность, холодная, унылая. От нее не исходило никаких волн.

Я нарочито зевнула, показывая, что подарок совершенно мне не понравился.

В отличие от меня Натали всерьез увлеклась новой вещью, прямо тряслась от нетерпения.

Она нажала кнопку, прямоугольник покрылся разноцветными мелькающими пятнами, стал издавать непривычные звуки. Натали села в кресло напротив, взяла узкую черную коробочку, навела на прямоугольник и начала менять на нем пятна и звуки.

Я зевнула еще выразительней и вдруг почувствовала, что ужасно проголодалась. Не люблю быть голодной!

Вместо того чтобы немедленно меня накормить, беспечная домоправительница уставилась в настенный светильник, будто бабочка, завороженная огоньком свечи.

Я сосредоточилась, постаралась проникнуть в ее разум, уловить эмоции. Натали была расстроена, подавлена. Я пригляделась повнимательней к цветным пятнам на прямоугольнике и различила крупные бежевые людские лица, затем бегущие фигуры, машины… Сфокусировала взгляд, узнала утреннюю сцену, за которой сегодня наблюдала с балкона. Вот здание с сине-бело-красным флагом. Вот черный человек, его поймали и засунули в шумную машину с синим вертящимся огнем на крыше. Узнала и звуки: гладкий прямоугольник передавал торопливую, сбивчивую человеческую речь.

Дольше всего показывали детенышей, что неподвижно лежали посреди красных луж. Взрослый человек говорил все быстрее, он явно злился.

Я настроилась на одну волну с домоправительницей: смотрела ее глазами и слушала ее ушами. Наши сознания слились, и я внезапно поняла, что малыши в сияющем окне не просто лежат себе на мостовой – они мертвы!

Выходит, люди не бессмертны.

Интересно, а я и не знала!

Неужели Натали приобрела светящийся прямоугольник для того, чтоб наблюдать, как умирают ей подобные?

Я взобралась к ней на колени, чтобы проникнуться ее теплом, ее ощущениями. Она в смятении, в ужасе. Моя домоправительница дрожала с головы до ног, как мышка, которую я настигла утром в подвале. Паника разрасталась. Энергетические потоки становились дисгармоничными и хаотичными. Поговорить телепатически с мышкой не удалось, попробуем наладить общение с человеком. Я замурлыкала, мысленно приговаривая: «Не бойся!»

И вновь совсем не та реакция: Натали настроила звук погромче и, самое ужасное, закурила!

Ненавижу вонючие сигареты! Липкий дым впитывается в шерстку, она скверно пахнет и невыносимо горчит.

В знак протеста я соскочила с колен, ушла на кухню, принялась скрести миску и мяукать, напоминая, что прямая обязанность домоправительницы – кормить меня, а вовсе не переживать из-за детенышей.

Натали не обращала на меня внимания. Я мяукала все отчаянней.

Она в конце концов поднялась с дивана, но, вместо того чтобы насыпать корм, коварно заперла меня на кухне, где я тщетно ожидала своей законной еды! Я услышала, как она снова села напротив прямоугольного светильника и увеличила звук.

Поверить невозможно, что прислуга способна на такую черствость и эгоизм! Не терплю, когда домашние люди ведут себя скверно.

Я прыгнула, впилась когтями в деревянную дверь – все напрасно! Нужно немедленно наладить телепатическое общение с домоправительницей. Никогда прежде эта цель не казалась мне столь важной.

Неизвестно, сколько еще Натали просидела бы, тупо уставившись в сверкающий прямоугольник. Пришлось поневоле взобраться на шкаф, подползти к мешку с печеньем и попытаться прогрызть его. К сожалению, он оказался слишком плотным, я пробовала его на зуб с разных сторон, пока не нашла уязвимое место.

Именно в тот момент, когда мне удалось проделать дырку, дверь открылась, вошла Натали и рассеянно насыпала сухой корм в мою миску.

Я с удовольствием захрустела, раскрошила вкусное печенье крепкими коренными зубами.

Наелась досыта и, так и быть, вернулась в гостиную.

Мой домашний человек сидел опять перед прямоугольным светильником, посылавшим, одну за другой, все те же картинки. Я заметила, что из глаз домоправительницы стекает прозрачная жидкость. Натали излучала негативные вибрации, ей становилось все хуже и хуже. Никогда не видела ее в подобном состоянии.

Я забралась к ней на колени, лизнула щеку шершавым языком. Жидкость оказалась соленой, наполненной болью.

Мало-помалу струйки иссякли. Картины в настенном светильнике переменились. Теперь мы наблюдали с высоты за группой людей, играющих в мяч. Они носились друг за другом и били по мячу задними лапами вместо того, чтобы ловить его передними. Издалека доносился гул сотни голосов: должно быть, люди ругали этих неумех и смеялись над ними.

Поначалу Натали огорчало и это зрелище, но постепенно оно ей понравилось, даже отвлекло от мрачных мыслей. Вскоре она потушила светильник, тогда людские голоса и прочие звуки смолкли.

Домоправительница отправилась на кухню, налила себе в миску зеленый суп, закусила чем-то розовым, желтым и белым, запила красной жидкостью из бокала, сунула миску в посудомоечную машину. Поговорила по телефону. Приняла душ. Выщипала пинцетом редкие усики (никогда не пойму этой глупой привычки: она и так с трудом держится на задних лапах, а без шерсти на лице совсем потеряет равновесие, будет постоянно падать, не сможет улавливать волны, идущие извне). Намазала лицо зеленой мазью и с тяжким вздохом улеглась в постель.

Мой выход. Я неслышно приблизилась, вскочила на кровать, легла на грудь Натали. Ощутила частый стук ее сердца. Обожаю вот так непосредственно чувствовать чужое сердцебиение. Свернулась клубком, замурлыкала, внушая телепатически: «Успокойся!»

Похоже, Натали обрадовалась моему присутствию и мурлыканью. В знак благодарности принялась меня гладить, что-то бормотать. Я вновь различила имя Бастет, она повторяла его на все лады. Я особенно люблю, когда мне пальцем ерошат шерстку на подбородке. Приподняла повыше голову, чтобы ей было удобнее чесать всю мою шею.

Она вдруг перестала меня гладить, посмотрела, хлопая ресницами, и улыбнулась сквозь слой зеленого крема, покрывавшего все лицо.

В какой-то момент я догадалась: если у человека уголки рта ползут кверху, значит, он доволен. Но если человек кричит, грозит пальцем и твердит мое имя, скорей всего, что-то не так.

Я перевернулась на спину, подставила ей животик, но она не поняла, чего я хочу, и продолжала чесать мне шею. Пришлось прижать голову к груди и раскинуть лапы пошире, продолжая мурлыкать. Беда Натали в «навязчивом тактильном контакте» со мной, она как попало треплет мне шкурку и совершенно не считается с моими желаниями.

В конце концов домоправительница соизволила погладить мое брюшко, причем весьма приятно. Я лизнула ее руку, а затем тщательно вылизала там, где меня гладили, чтобы глубже ощутить запах и вкус Натали. Как только она уснула, я высвободилась из ее объятий, устроилась на подушке, поближе к ее головным шерстинкам, и попыталась внушить ей несколько пожеланий:

«Запомни на будущее, Натали:

1. Мне хотелось бы, чтобы ты телепатически объяснила, что именно произошло в здании напротив с тем черным человеком, шумным и возмутительным.

2. Еще объясни, что это за прямоугольный светильник, откуда доносятся голоса и где показывают мертвых людей.

3. Еду мне следует подавать по первому требованию, никогда не заставляй меня ждать.

4. Прекрати немедленно курить сигареты! Вонючий дым въедается в мою шерстку.

5. Если тебе подставили животик – гладь его!

6. И главное: ни при каких обстоятельствах не запирай двери внутри квартиры! В противном случае я не могу обозревать мои владения, и это меня бесит!»

Повторила послание сотню раз, чтобы она наверняка меня услышала и поняла.

Небо за окном потемнело, настала ночь. Я ночной зверь, поэтому мне не пристало неподвижно лежать в постели, будто какой-то домоправительнице.

Так что я вернулась на перила балкона – мой излюбленный наблюдательный пункт (Натали всякий раз волнуется, когда я балансирую на краю; я нарочно ее испытываю, проверяю: любит ли она меня по-настоящему).

Машины с синими огнями на крыше перегородили улицу и никого сюда не пускали. Волны отрицательной энергии понемногу рассеялись. Здание напротив

оцепили желтыми лентами, чтобы группы людей, жмущиеся к домам, не подходили близко. Пять человек в белых комбинезонах ползали по земле, собирая разбросанные мелкие металлические цилиндры. Один из них обводил что-то белой краской на асфальте, другой посыпал пятна крови сизым порошком.

Я вытянула шею. Прислушалась, принюхалась, огляделась по сторонам.

Листья деревьев зашуршали, затрепетали при сильном порыве ветра. В поле моего зрения попало нечто новое, крайне любопытное. В соседнем доме, долгое время необитаемом, внезапно зажегся свет. На третьем этаже за шторой мелькнула тень. Темный силуэт выскользнул в приоткрытую балконную дверь, вскочил на перила прямо напротив меня.

Глаза горели синим. Коричневая мордочка. Острые ушки. Вся шерстка бежевая. Мой сиамский сородич тоже с интересом обозревал ночную улицу и людей в белых комбинезонах. Потом обернулся и поглядел на меня с вызовом.

4

Таинственный сосед

Я не против новых знакомств.

Если самец смотрит на тебя с таким выражением, нет сомнений, что он желает привлечь твое внимание. Не он первый, не он последний. В который раз помимо моей воли на кого-то подействовало мое природное обаяние.

Я, так и быть, мяукнула, поздоровалась с ним, но, к моему величайшему изумлению, невежа мне не ответил… Мне нравятся сиамские коты, но следует признать, что они порядочные зазнайки.

Я всячески подчеркнула свою доброжелательность: развернула вздернутые ушки вперед, распушила усы, вертикально подняла хвост.

Он и не подумал изменить позу.

Обычно я удаляюсь, если сталкиваюсь со столь явным пренебрежением. Однако впереди была долгая скучная ночь, к тому же врожденное любопытство не давало мне покоя, так что я поступилась гордостью, покрепче уперлась лапами в перила и приготовилась к прыжку на балкон соседнего дома.

Прицелилась, сжалась в комок, оттолкнулась, взвилась над пропастью между домами, расправив лапы, раздвинула пальцы, выпустила когти. Полсекунды в полете. Увы, я неверно рассчитала расстояние… Когда начала снижаться, лишний сантиметр отделял меня от балюстрады, на которую я надеялась вскочить. Мои лапы отчаянно загребали воздух…

Когти скрежетали по металлу, но вцепиться в него не могли.

Сиамский кот наблюдал за мной неподвижно и безучастно.

Чудовищное унижение!

К счастью, меня спас плющ. Обрывая плети, я кое-как вскарабкалась на соседний балкон.

Сиамский кот даже не пошевелился.

Все-таки я достигла цели, встала на перила и подошла к нему, мяукая.

Абсолютно никакой реакции. Стоическая невозмутимость.

Вблизи разглядела его получше. На вид ему можно было дать лет десять, не меньше (мне только три, так что он для меня старик). Странная особенность: посередине лба у него торчала лиловая пластмассовая штуковина.

Проглотив обиду, я завела с ним светскую беседу как ни в чем не бывало.

– Вы наш новый сосед?

Нет ответа. Хотя от него явственно исходили волны живейшей симпатии.

– Давайте поговорим! Я так рада, что поблизости поселился кот, ведь я живу вон там, совсем рядом. Вы не против поболтать?

Он вылизал заднюю лапу и задумчиво почесал ею правое ухо. Этот жест я восприняла как знак согласия. Мне так сложно было наладить контакт с другими существами, что я просто не могла упустить возможность пообщаться с кем-то, кто говорит на одном языке со мной.

– Скажите, что за лиловая штука у вас во лбу?

Он молча смотрел на меня, затем соизволил ответить:

– Это мой Третий Глаз.

– А что такое «Третий Глаз»?

– USB-порт, с его помощью я подключаюсь к компьютерам и таким образом общаюсь с людьми.

Я не ослышалась?

– USB что?

Я попыталась скрыть, насколько меня потрясли его непонятные объяснения, но он вновь не удостоил меня ответом.

Лишь склонил голову, открыл передней лапой лиловый пластмассовый клапан и предоставил мне возможность самой все рассмотреть.

Я приблизилась и увидела ровную прямоугольную щель с металлической окантовкой, уходящую в глубь головы.

– Последствия травмы? Вы попали в аварию? Вам, наверное, до сих пор больно?

– Нет. Я сам захотел поставить себе USB-порт, это очень удобно.

– И что вы сообщаете людям с помощью «Третьего Глаза»?

Он продолжал вылизываться и почесывать ухо задней лапой.

– Ничего.

– В чем же тогда удобство?

– Я ничего не сообщаю людям, зато многое узнаю от них. Так я постигаю законы существования человечества, а через них и законы Вселенной.

Он произнес это равнодушно, свысока, и я была вне себя от его самодовольства и самоуверенности. И все-таки спокойные величавые рассуждения, не говоря уж об их содержании, невольно внушали мне уважение. Неужели он вправду понимает людей?

– Я вот пыталась внушить людям некоторые простые вещи, но они бестолковы. К примеру, сегодня вечером моя домоправительница не накормила меня вовремя и вообще заперла там, откуда я не могла выбраться сама. А все потому, что ей приспичило глядеть на плоский настенный светильник, где мелькают разноцветные пятна и откуда слышатся голоса. Я тоже прилежно рассматривала его и вдруг поняла, что там показывают… мертвых людей!

Сиамский кот снисходительно раздумывал, как бы понятнее объяснить мне все, тщательно подбирал слова. Облизнулся длинным розовым языком, увлажнил губы.

– Люди называют такой настенный светильник телевизором.

– Пусть так. Этот телевизор показывал то, что случилось вот здесь, на улице, возле моего дома. Я все видела собственными глазами. Ближе к вечеру какой-то человек в черном выскочил и давай шуметь, стрелять из палки.

– Палка называется ружьем. А если выстрелы трещали часто, то это автомат.

– Из здания с флагом выбежали малыши и попадали на землю.

– Здание с флагом – это начальная школа, а малыши – это дети, ученики.

– Человек в черном отбросил то, из чего стрелял, а детеныши так и не поднялись…

– И не могли подняться. Он их ранил или убил. Для того и пришел.

– Потом взрослые поймали черного человека, засунули в машину с синим огнем на крыше и увезли.

– Его увезла полиция.

– Приехал еще грузовик, тоже с синим огнем, но белый. Оттуда вышли люди, подобрали детенышей с мостовой, погрузили на кровати с колесами и увезли.

– Да, это «Скорая помощь».

– Еще люди разбились на пары. Один светил другому в лицо, а тот держал черный мячик.

– Наверное, журналисты. Это они посылают картинки в телевизор вашей домоправительницы.

– И что все это значит?

– У людей сейчас черная полоса. Водоворот насилия засасывает их, он ширится и, на мой взгляд, в ближайшее время никуда не исчезнет. Такие вот особи в черном внезапно убивают людей. Их называют террористами.

– Зачем людям убивать друг друга?

– Убийство вызывает сильную эмоциональную реакцию, панику, ужас. Террористы так привлекают к себе внимание, и телевизор им помогает. Своеобразная форма общения. Напуганными людьми легче управлять.

– Мне все это непонятно.

– По-моему, приближается самое худшее: война. Террористы – только начало. Они убивают десятки людей, а на войне погибнут сотни тысяч, даже миллионы. Боюсь, войну скоро объявят.

Сиамский кот время от времени почесывал за ухом задней лапой.

Сомневаюсь, что знала тогда значения всех этих слов, да он и не заботился о том, чтобы его речь была доступной. Однако общий смысл я уловила. Постаралась поддержать беседу, лишь бы он не подумал, что его реплики выше моего понимания.

– Мне ясно одно: из-за террористов и войны у моей домоправительницы из глаз текут потоки воды.

– Это называется «плакать». Люди плачут, когда им грустно. Из глаз у них текут не потоки воды, а слезы. Вы ведь лизнули их, они соленые, верно?

Признаюсь, его поразительные обширные познания и уверенный тон произвели на меня глубокое впечатление.

– По телевизору домоправительницы показывали не только мертвых детей, но еще толпу людей, играющих в мяч, и других, которые что-то орали. Вы и это сможете объяснить?

– Это так называемый «футбол», командный вид спорта.

– А почему бы не дать мяч каждому человеку?

– Они нарочно борются за один мяч, так интересней.

– Но когда у них один мяч на всех, они же злятся, завидуют, гоняются друг за другом, пытаются его отобрать, разве нет?

– На самом деле они должны забить гол, загнать мяч в сетчатые ворота противника. Таким образом они набирают очки и радуют своих болельщиков.

Посмотрев футбол, ваша домоправительница перестала плакать, я прав?

– Верно. Когда мяч влетел в ворота, она казалась довольной.

– Люди утверждают, что ненавидят войну и обожают футбол. Но, по моему убеждению, им нравится и то, и другое. Иначе войны не показывали бы так часто в новостях. Иначе трансляции матчей не прерывали бы рекламой.

Сиамский кот говорил неторопливо, безо всякого выражения, будто изрекал несомненные истины. Я присмотрелась к нему повнимательней. Длинные изящные усы. По-прежнему доброжелательные вибрации.

– Вы столько знаете благодаря Третьему Глазу во лбу, я вас правильно поняла?

– С помощью современного USB-порта я подключаюсь к компьютеру и скачиваю необходимые сведения. Кажется, я вам ясно все объяснил, что же тут непонятного?

Его высокомерие раздражало меня до крайности. Однако любопытство пересилило гордость и злость.

– К чему, к чему вы подключаетесь?

– К компьютеру, к машине, к сложному электронному устройству, которое открывает мне доступ к подробной информации о мире людей и мире котов. Прежде я был таким же, как вы, полнейшим невеждой. Нам, котам, следует раздвинуть границы в пространстве и во времени. Большинству из нас закрыт доступ к обширным информационным потокам. Слух, зрение, обоняние, осязание, наши физические и психические органы чувств – единственные источники наших познаний. Это очень ограничивает. К тому же мы осваиваем ничтожную территорию: квартиру, садик, две-три крыши. Люди, в отличие от нас, не скованы своим местоположением и способны узнавать о происходящим издалека благодаря современной разнообразной технике: компьютеру, телевизору, радиоприемнику, а также книгам и газетам.

Сиамский кот вылизал другую лапу и продолжал небрежно почесывать за ухом. Мне показалось, что он издевается надо мной, я ведь только что опозорилась у

него на глазах, сверзилась с балкона, запуталась в плюще. Я фыркнула, судорожно встряхнулась, пытаясь не выдать, что смущена.

– Мне бы хотелось наладить с ними непосредственное общение. Кошкам с людьми необходимо телепатически обмениваться мыслями. Не только что-то узнавать, но и что-то внушать.

– Абсолютно невозможно.

Его категоричность меня бесила, но я изо всех сил сохраняла хладнокровие.

– Некоторых успехов я уже достигла.

– У вас нет Третьего Глаза. И даже если б вы обзавелись им, дорогая соседушка, то не смогли бы делиться информацией, лишь получать ее, уверяю вас. Люди просвещают котов, а не коты – людей.

Я сделала глубокий вдох, подавляя раздражение, и настойчиво продолжила:

– Я мурлыкала и тем самым успокаивала людей. Домоправительница перестала плакать, уголки ее рта поползли вверх.

Он опять вылизывал правую лапу и чесал ею за ухом с таким видом, будто вообще не замечал моего присутствия.

Внезапно откуда-то снизу его позвал человеческий голос:

– Пифагор! Пифагор!

Тот небрежно обернулся на зов, неторопливо соскочил с перил и скрылся внутри дома, вероятно, чтобы повидаться со своей домоправительницей.

Даже не попрощался, не кивнул мне. Возмутительно!

Я решила еще раз прыгнуть, чтобы вернуться домой. Прикинула расстояние, сжалась в комок, напрягла все мышцы, оттолкнулась изо всех сил. Взвилась,

расправила лапы. Взлетела над бездной между домами. Второй полет длился на мгновение дольше. Я приземлилась идеально! Как жаль, что на этот раз никто не наблюдал за мной, никто не восхищался моей ловкостью. Всю мою жизнь действует закон подлости: когда мне что-то удается, никого рядом нет, а когда попадаю впросак, кругом полно свидетелей.

Балконная дверь была по-прежнему открыта, я вернулась к Натали, которая мирно похрапывала во сне. Я стала наблюдать за ней, приглаживая лапкой усы.

Нужно непременно наладить телепатическое общение с домоправительницей, чтобы не только получать знания, но и делиться ими.

Тогда наш сосед-сноб (как там, бишь, его? Ах, да, Пифагор! Престранное имя…) убедится воочию, что между животными разных видов вполне возможно наладить взаимный обмен информацией.

Чтобы заранее задобрить коллегу по межвидовым коммуникациям, я решила все-таки поймать в подвале мышку и подарить ее Натали. Вполне разумный шаг. Я не сомневалась, что она обрадуется, когда проснется и обнаружит у себя в постели надкушенную мышь. Все-таки трепещущая мышка – лучший подарок, какой может сделать Ликованикошка человеку.

5

Нужно защищать свою территорию!

День занялся, я только задремала, как вдруг в мои чувствительные уши, опушенные длинными шерстинками, ввинтился буравчиком пронзительный вопль.

Натали нашла в постели мой подарок.

Ликования в диком крике я почему-то не уловила. Вопреки ожиданиям, домоправительница принялась повторять мое имя с упреком и жалобой. Я как ни в чем не бывало вернулась в спальню. Мышка еще сладостно билась в агонии,

любой на месте Натали бросился бы играть с ней, однако домоправительница вооружилась веником, совком и выбросила несчастную в мусорное ведро, не дав мне добить ее и съесть. Возмущенная черной неблагодарностью, я угрожающе зашипела.

Натали ничуть не смутилась и как-то порывисто насыпала мне в миску сухой корм. Осмелюсь предположить, что так она хотя бы попыталась отблагодарить меня за прекрасную мышку.

Я решила, что домоправительница неадекватна из-за дурного влияния телевизора, который показывает ей террористов, войны и заставляет плакать навзрыд. Как все-таки приятно, что я узнала истинный смысл происходящего благодаря премудрому соседу Пифагору!

Потом Натали оделась и ушла. Я опять осталась дома одна и наконец-то с облегчением уснула, сытая и довольная. Больше всего на свете мне нравится спать.

А приснилось мне, что я ем.

Проснулась, как обычно, после полудня, когда лучик солнца пощекотал правое веко. От души потянулась, так что затрещали позвонки, широко зевнула.

Над растяжкой нужно поработать как следует, чтобы никогда-никогда, ни за что не повторилось вчерашнее позорное падение. Я несколько раз выпустила и спрятала когти, тренируя быстроту реакции.

Тщательно вылизала шкурку. Обожаю вылизываться (мама всегда говорила: «Вылижешься пораньше, уйдешь подальше»). За мытьем обдумала планы на сегодня. Хотя нам, кошкам, постоянно приходится действовать спонтанно, импровизировать. Хорошо бы, конечно, еще побеседовать с тем сиамским соседом, но ведь он вовсе не нуждается в моем обществе, а я слишком горда, чтобы навязываться кому бы то ни было (тем более задаваке-самцу). И я решила продолжить эксперименты по межвидовому общению самостоятельно. Пожалуй, начну с простейшего объекта: на кухне в аквариуме у нас плавала золотая рыбка.

Подошла поближе, принялась гипнотизировать ее сквозь стекло. Рыбка, видимо, застеснялась, шарахнулась, отплыла от меня как можно дальше.

– Здравствуйте, милая рыбка!

Я прижала к стеклу подушечку лапы, зажмурилась, настроилась на телепатическое внушение. Замурлыкала.

Натали назвала рыбку Посейдоном. Наверное, рыбка запомнила свое имя, услышав его столько раз, и поймет меня лучше, если я мысленно произнесу его как можно отчетливей.

– Здравствуйте, Посейдон.

Оранжевый малыш с подвижными широкими плавниками спрятался среди декоративных камней, слился с ними – не разглядишь! Кто бы мог подумать, что застенчивость станет помехой нашему общению…

Продолжая мурлыкать, я опять настроилась на его волну.

Как его успокоить? Сказать: «Не бойтесь». Нет, так он решит, что опасность и впрямь велика. Нужно по-другому. Придумала! Попробуем передать следующее:

– Я готова общаться с вами на равных, пусть вы всего лишь рыбешка.

Дипломатичное послание, но рыбку оно отнюдь не утешило.

В ответ Посейдон совсем зарылся в песок, даже хвостика не видать… Обидно, что все усилия пропали даром.

Я уже тогда отчетливо осознавала, что задумала нечто неимоверно трудное, однако сдаваться не собиралась. Поднялась на задние лапы, передними уперлась в прозрачную стенку, налегла всем весом и, наконец, накренила аквариум, так что вода, разделявшая нас, слегка отступила. Я была уверена, что для полноценного диалога необходим визуальный контакт.

К сожалению, я не рассчитала силы удара, и внезапно аквариум опрокинулся… Хорошо хоть, успела в последний момент отскочить в сторону, иначе промокла бы насквозь! Выливаясь, вода вынесла Посейдона наружу из укрытия.

Вот он на скатерти передо мной. Весь извивался, будто плясал. Похоже, я совершила важное научное открытие: именно так общаются рыбки. Посейдон, изящно изгибаясь, подпрыгивал раз за разом, непрерывно открывал и закрывал рот без единого звука. Жабры, органы водного дыхания, стремительно сокращались, ярко-красные блестящие жаберные щели расширялись и сужались.

– Все-таки мы с вами смогли побеседовать, Посейдон!

Я ощущала волны, исходящие от него, но не могла понять, что он хочет сказать мне.

Посейдон трепетал все сильнее, подкатился к самому краю стола. Чтобы глупец не свалился вниз, пришлось прижать его лапой, от этого его рот вдруг задвигался быстрей.

Предельно сосредоточилась, настроилась на прием.

– Вы, должно быть, проголодались?

Гордясь своей проницательностью, перевернула рядом с ним банку с мотылем, которым Натали его кормила.

Он к червякам и не притронулся.

Подождала, оценила отсутствие реакции, надавила подушечкой посильнее, вонзила в него один коготь и промурлыкала:

– Полноте, успокойтесь!

На мгновение он перестал трепыхаться, замер, будто послушался. Потом жаберные щели вновь стали конвульсивно сокращаться. Никакого успокоения. В который раз мои послания поняты превратно. Вопреки неудаче, я не теряла

надежды встретить существо, способное общаться со мной без помех. Пока что восприимчивее всех оказалась моя домоправительница, нужно отдать ей должное: мурлыканье на низкой частоте шло ей на пользу.

Тут как раз хлопнула входная дверь: домоправительница вернулась. Принесла плетеную корзинку, откуда доносились душераздирающие вопли. Еще один странный подарок! Что же там такое?

Натали стремительно сняла крышку, из корзинки выскочил… кот!

Вчера вечером я так славно убаюкала и утешила ее, что глупышка решила завести побольше кошек, коль они помогают ей расслабиться…

На ковре передо мной чистопородный ангорский кот. Какая гадость! Домоправительница смотрела на меня, рот до ушей, на седьмом небе от счастья, что познакомила с идиотским клубком шерсти. Она повторяла: «Феликс, Феликс…» Видимо, его имя.

Опять ее подарок совершенно бесполезен.

Кот явно глуповат. Вместо того чтобы приблизиться и смиренно опустить голову в знак того, что он на моей территории и признает мое превосходство, пришелец вылупился на меня желтыми глазами.

Не зря ненавижу породистых. К тому же окрас у него унылый. Весь белый с головы до пят. Да, я тоже беленькая, но моя шкурка самым приятным образом пестрит повсюду небольшими очаровательными черными пятнышками.

Неинтересный, занудный, блеклый тип. Густая, длинная, сальная шерсть. Неужели у домоправительницы вкус настолько скверный, что она выбрала для меня белого ангорского самца, вдобавок желтоглазого?

Выражая полнейшее презрение, повернулась к нему задом и резко вздернула хвост. Придурок не так меня понял. Решил, что я жажду соития, а не стремлюсь его унизить…

Полюбуйтесь, до чего умны чистопородные!

Пришлось влепить ему пощечину, выпустив когти на треть. Пусть знает, кто здесь решает, чему быть, а чему не бывать.

Между тем Натали умильно ворковала над нами, словно не сомневалась в моей готовности поделиться всем и вся с непрошеным гостем, назойливым чужаком. Поневоле наградила его еще одной пощечиной и отчетливо произнесла:

– Ты мне не нравишься! Убирайся!

Вот теперь он выглядел почтительным и смиренным. Все равно не потерплю, чтобы мне навязывали чье-то общество.

В это время мой домашний человек обнаружил Посейдона в весьма плачевном состоянии, поэтому я покинула кухню и поспешила на третий этаж. Не позволю донимать меня упреками, сажать на крючок вины. Безмозглая рыбешка сама виновата. Ничего бы с ней не случилось, если бы только она отважилась поговорить со мной по душам.

Феликс возомнил, будто я собираюсь показать ему свои владения, и радостно, хвост трубой, засеменил за мной следом.

Вновь попытался предложить романтические отношения, но тогда я выгнула спинку и зашипела ему в лицо. Теперь-то он сообразил, с какой грозной дамой связался. Почтительность и смирение обозначились явственней. Он больше не решался смотреть мне в глаза, лишь тихонько мяукал, сжавшись в комок. Уши врозь, голову скромно втянул в плечи, хвост прижал к задним лапам. Шерсть как-то сразу свалялась и потускнела.

Таковы все самцы! Воображают о себе невесть что, а на деле пугливы, слабы, особенно если их поставила на место самка, которая знает, чего хочет и, главное, чего не хочет.

Я воспользовалась тем, что он пригнулся, и написала ему прямо в морду. Желтая шерсть идеально оттенила желтизну глаз. Здесь мои правила, мой закон!

Он что-то пролепетал, я особо не вслушивалась. Затем я сообщила жалкому дурачине, чтобы не смел приближаться к моей миске и ел всегда после меня.

Также я запретила ему писать и какать в мой лоток. Если Натали заблаговременно не купила ему персональный, пусть справляет нужду на улице, а пока что терпит.

Сообщила ему, что из окна на третьем этаже прекрасно видна улица. Кстати, обратила внимание, что начальная школа напротив по-прежнему закрыта. Хотя тротуары не перегорожены больше желтыми лентами, а люди в белых комбинезонах не собирали что-то в металлические коробочки. Зато к дверям школы принесли массу цветов, перед фотографиями детенышей зажгли свечи. Декорации переменились, пока я спала.

Феликс глянул вниз на сцену трагических событий и спросил, что там произошло. Я не удостоила его ответом: терроризм – слишком сложное понятие для такого тупицы. К тому же я начисто лишена педагогического таланта Пифагора.

Чтобы сменить тему, сказала, что кроме окна есть еще балкон, откуда можно перепрыгнуть на крыши соседних домов, однако следует быть осторожным: кровельный желоб шатается.

Мы как раз подходили к спальне Натали, тут я заявила, что ему строго-настрого запрещено переступать порог. Пусть не мечтает нежиться в постели моей домоправительницы. Свои слова я подкрепила новым ударом, когтистой лапой проведя глубокие борозды на его подбородке. Запретную зону пометила каплями пахучей мочи для пущей убедительности. Если у чистокровных ангорских котов существует хотя бы намек на сообразительность, пусть догадается сам: бить его не станут лишь там, где пометы отсутствуют.

Мы спустились в гостиную, и я показала Феликсу кресло с бархатной красной подушкой, тоже помеченной мной. Показала мою, опять-таки помеченную, корзину над обогревателем. Ни подушку, ни корзину ему лучше не трогать.

В конце концов он забился в угол прихожей, свернулся неопрятным бледным клубком и замер.

Вечером я заметила оживление возле входной двери. Сейчас же бросилась туда, чтобы проверить, что происходит. К моей домоправительнице явился в гости

какой-то самец. Она все твердила: «Тома, Тома». Так себе имечко.

Ростом повыше нее, шерсть на голове светлая, глаза зеленые, запах мускуса, то есть пота. Передние и задние лапы крупные, притащил ей букет цветов. Он мне сразу не понравился, даже издалека.

В отличие от меня, Натали при виде него не задрожала от отвращения, а, наоборот, потянулась к нему ртом, пока их губы не склеились. Эти странные человеческие повадки никогда мне не нравились. Зачем-то он стал хватать ее за грудь и ягодицы.

И она его не оттолкнула, а радостно захихикала, мол, продолжай в том же духе.

Потом они угомонились и мирно сидели себе в гостиной. Принесли еду на подносе, уставились в настенный светильник, в свой телевизор. Внезапно заволновались, стали часто-часто дышать. Там показывали обезглавленных людей, а кругом все кричали дружно одно и то же, потрясая кулаками. Натали и Тома поразила эта картина. Теперь я научилась лучше различать детали и голоса, поэтому пришла к выводу, что толпа вопит примерно одинаково на футболе и на войне, подбадривая лучших игроков.

Натали задрожала, опять заплакала. Не успела я вскочить к ней на колени и лизнуть в щеку, как наглый самец вновь впился ей в губы, взял за руку и увел в спальню. Дверь они за собой закрыли и заперли.

По звукам и запахам я поняла, что между ними происходит соитие: акт продолжения рода. Таков, думается, инстинкт их вида: как только слишком много людей умирает, они стремятся восполнить потерю, размножиться.

Я пожалела, что была излишне жестока к Феликсу, и пригласила его в подвал. В темноте, сладко пахнувшей мышиным пометом и пылью, я поведала ему о моей главной цели в жизни: стремлении наладить межвидовое телепатическое общение. Я ведь мечтала и о практическом применении моих способностей: когда-нибудь я смогу, просто мяукая, отдавать людям внятные приказы, которые нельзя исказить и не выполнить.

Но в желтых глазах не отразилось ни единой мысли. Феликс заявил, что люди совершенно его не интересуют и общаться с ними он не намерен. Тупой

ограниченный болван!

Самое ужасное, он был вполне счастлив и так, без честолюбия, без возвышенных целей. Чистокровный ангорский кот, довольный своим жалким крошечным мирком и абсолютно равнодушный ко всему вокруг.

Пифагор был прав: многие из нас довольствуются убогим тесным пространством дома. Убаюканные собственным невежеством, панически боятся всех любознательных и смелых. Хотят, чтобы новый день ничем не отличался от предыдущего, чтобы вчера походило на сегодня, чтобы все повторялось без конца.

Увы, просвещать Феликса бессмысленно, осуществить великие планы он мне не поможет.

Однако кое-какая польза от него была: я разрешила ему доставить мне физическое наслаждение, чтобы снять стресс. Упрашивать его не пришлось. Он мигом взобрался на меня и вошел. Острый, будто спикула, член вонзился в мою вагину. Больно! Я сжала зубы. Феликс завозился, затрясся. Весьма посредственный любовник. Ни страсти, ни воображения. Даже холку мне не закусил, хотя я обожаю, когда крепкие острые клыки вонзаются в затылок.

Я бы не кончила, если бы меня не вдохновило воспоминание о Пифагоре.

Все-таки сексуальная жизнь кошек принципиально отличается от человеческой. Для нас важны чувства, любовь, тогда как для людей секс – продолжение рода или средство от нервного напряжения.

Феликс мгновенно возбудился и набросился на меня с неукротимым желанием. Пока что он не умел сдерживаться и учитывать мои пожелания. Меня раздражала его возня, и я громко мяукнула. Он принял это за крик оргазма. Сейчас же слез. Акт длился недолго. Всего десять секунд, не более.

Обычно после соития я люблю поболтать, но теперь мне захотелось остаться одной, и я велела ему проваливать. К счастью, он не стал спорить.

Я вновь размышляла о Пифагоре, похоже, я в него влюбилась. Мне весь вечер не давала покоя мысль: почему он ученый, а я невежда? Поднялась на третий этаж, выскользнула на балкон, вскочила на перила, с надеждой посмотрела на соседний дом. Сиамского кота не было, и я замяукала, позвала его. Мне показалось, что там, за шторой, промелькнул силуэт. Вдруг это он?

Дверь на его балкон приоткрыта, но он так и не вышел. Уверена, что он меня услышал, а если не откликнулся, спрятался за шторой, притаился, то исключительно из-за того, что не захотел больше со мной разговаривать…

Жалел, наверное, что сообщил о людях столько ценного.

Или просто застеснялся?

А я мечтала услышать вновь его рассуждения о терроризме, о войне, которая вот-вот нагрянет, но пока только грозит нам картинками в телевизоре.

В конце концов я перестала звать, спустилась вниз и позволила Феликсу вновь меня удовлетворить, желая хоть немного расслабиться.

Погоди, Пифагор! Однажды ты станешь моим, я уверена! Решительная кошка ни перед чем не остановится, вот увидишь.

Я не потерплю, чтобы мной пренебрегали!

6

В гостях у «него»

В мире ежедневно что-то происходит. Каждый новый день приносил мне и хорошее и дурное, а я старалась внимательно отслеживать все изменения.

После нападения на школу, появления телевизора, соленого вкуса слез Натали, знакомства с Пифагором и вселения Феликса мне казалось, что мой лимит

невероятных происшествий исчерпан на неделю вперед. Но как бы не так, события продолжали бурно развиваться. Что, если Вселенная услышала, что я одержима идеей общения, и ответила мне, подала знак?

Назавтра я проснулась после полудня и вышла на балкон. Рядом со мной на перила уселся воробышек и радостно зачирикал. Мне понравилась благозвучная песенка с изящными переходами и тремоло.

Я понадеялась, что птичка тоже искренне хочет наладить общение, что мы с ней – самые отважные представители наших видов – наконец-то преодолеем преграды, которые помешали мне беседовать на равных с людьми, мышами и рыбками.

Балансируя на парапете, подобралась к воробью поближе. Он позволил мне подойти почти вплотную, только посматривал на меня, вертя головой то вправо, то влево (глаза у птиц расположены по бокам, и прямо смотреть они не могут).

Я промурлыкала:

– Здравствуйте, воробей.

В ответ он запел еще мелодичнее и даже не шелохнулся.

Неужели он понял меня и доброжелательно поприветствовал? Подкралась совсем близко.

К моему величайшему удивлению, он вдруг отскочил от меня на своих тонких лапках. Я все равно сделала еще шаг вперед.

– Как вы думаете, сможем ли мы с вами побеседовать?

Он не ответил и отпрыгнул на самый край перил, в угол балкона. Осознала, что еще немного, и я могу упасть… То есть я, конечно, ловкая и уцеплюсь за парапет, однако здесь довольно высоко, а у нас, кошек, косточки тонкие, хрупкие… Лучше не рисковать.

Воробей отскочил опять, издал длинную трель, сложную модуляцию, будто бы приглашал, подзывал к себе.

Ужасная мысль пронзила мой мозг: что, если подлый воробьишка воспользовался моей страстью к межвидовому общению и коварно заманивал меня в ловушку? Чем больше я прислушивалась к наглому чириканью, тем больше убеждалась, что он бесстыдно издевался надо мной!

Как только я оказалась в опасной близости от края, негодяй внезапно вспорхнул, так что я действительно едва удержалась на парапете. Гнусная тварь в самом деле хотела, чтобы я разбилась, предав мое доверие и благородную сообщительность. В последний момент я все-таки удержалась на перилах (даже не испугалась и не ушиблась) и постаралась забыть о мерзкой пичужке, чтобы не отравлять себя злобой.

Теперь я внимательно разглядывала балкон Пифагора. Как меня тянуло туда!

Отворилась входная дверь его дома, оттуда вышла человеческая самка с седой шерстью на голове, направилась прямо к моему подъезду и позвонила.

Я отчетливо слышала, как моя домоправительница бросилась в прихожую и открыла ей. Женские особи стали болтать на своем непонятном языке. Я стремительно покинула наблюдательный пункт, спустилась на первый этаж и еще успела потереться о ноги гостьи, как вдруг Натали нацепила пальто, и они обе вышли на улицу. От моего дома до соседнего расстояние невелико, я догнала их мгновенно. Возле начальной школы со вчерашнего дня появилось еще больше цветов, фотографий и горящих свечей.

Я проскользнула под ногами у домоправительниц и оказалась в гостях у «него». Обстановка показалась мне своеобразной, запахи – непривычными.

Люди заняли кресла, седая дама предложила моей домоправительнице мисочку с горячей водой, подсвеченной чем-то желтым (не мочой точно, я нюхала). Я пристально рассматривала нашу новую знакомую, Натали называла ее Софи. Старенькая, сморщенная, зато карие глаза у нее лучистые и живые. Она пахла увядшей розой. Софи позвала:

– Пифагор!

Он не откликался, тогда она пошла за ним, принесла на руках в гостиную и поставила передо мной.

Проблеск надежды. А вдруг наши домоправительницы решили по-добрососедски устроить наш брак?

Мы сделали вид, что незнакомы, и добросовестно обнюхали друг друга, но только я заговорила, он сбежал… Тогда я отправилась к нему на кухню и демонстративно захрустела кормом из его миски (со мною лучше не ссориться, я отомщу). Пифагор по-прежнему не обращал на меня внимания, не снизошел до того, чтобы помешать мне, даже не взглянул в мою сторону.

Я уплетала за обе щеки, хотя его корм совсем невкусный, с моим не сравнить. Потом сходила в его лоток. И вновь Пифагор не остановил меня, никак не отреагировал. Он просто исчез, растворился, будто вообще не заметил моего присутствия.

Я пошла его искать. Наверху в одной из комнат из-за стеклянной двери, перегороженной комодом, на меня уставилась незнакомая кошка. Такая же беленькая, в черных пятнышках.

К тому же моя ровесница.

Тут-то я догадалась, отчего Пифагор ко мне равнодушен. У него дома живет другая.

Я приблизилась к ней. Разглядела, что глаза у нее зеленые, а на мордочке черное сердечко. Мой окрас точь-в-точь, и все равно нелепая жалкая соперница внушала лишь отвращение. Наглая дешевка. Посмотрела ей прямо в глаза, угрожающе зашипела. Она ответила тем же. Ради устрашения я выгнула спину, распушилась, чтобы казаться более грозной и крупной. Она упорно меня передразнивала.

Пора задать ей трепку. Я с силой ударила передней лапой по стеклу. Она ударила тоже.

Я оскалилась, зашипела снова. Она оскалилась тоже.

Завязалась драка, мы царапали и лупили друг друга, к счастью, стекло защищало обеих от повреждений. Не то я бы выщипала усы этой дряни.

Повернулась к ней задом и вздернула хвост. Пусть знает, что я о ней думаю. Должно быть, она опять подражала мне.

Хорошенько ее унизив, я вернулась в гостиную, где домоправительницы все еще болтали без умолку. Пифагор бесследно исчез, я почувствовала себя обиженной и оскорбленной до глубины души. Почему он меня презирает? Из-за той облезлой кошки сверху? Из-за лилового пластмассового клапана во лбу, USB-порта, который помогает ему копить знания о людях?

В знак протеста я взобралась на колени к Натали, подставила ей свой прелестный лоб безо всяких клапанов, а потом животик. Его она тоже охотно почесала. Пусть все видят: мой домашний человек отлично выдрессирован и всегда готов услужить мне.

Вернувшись домой, я снова позволила Феликсу удовлетворить меня. Причем орала во всю мощь, не жалела голосовых связок, лишь бы Пифагор слышал, что мне и без него хорошо. Пусть пожалеет о том, что оттолкнул меня (уверена, его самка в любви – ничто по сравнению со мной).

Боюсь, я перестаралась, потому что на следующий день Натали посадила Феликса в плетеную корзину, куда-то унесла, а потом бедняга вернулся с повязкой пониже хвоста. В банке болталось заспиртованное нечто, поначалу я приняла это за бежевые вишневые косточки…

Каюсь, по моей вине с Феликсом обошлись жестоко и несправедливо. И все-таки я была довольна, что наказали его, а не меня.

К тому же Феликс мне абсолютно безразличен. Я влюблена лишь в Пифагора. Более того, я одержима им. Ведь он мудрец, знаток человеческих нравов и обычаев.

Тут у меня закралось пренеприятное подозрение, я даже вздрогнула. Что, если Пифагор относится ко мне, как я к Феликсу? Вдруг он смеется над моим невежеством? Считает низшим существом?

При этой мысли ревность к другой кошке разгорелась еще сильнее.

Встречу в другой раз, пусть не ждет пощады!

7

Вид сверху

Яички Феликса плавали в банке, а он сидел возле нее и смотрел, будто его загипнотизировали.

Почему самцы так привязаны к своим мелким бежевым шарикам? Феликс наблюдал за ними, словно за рыбками, только шарики, в отличие от рыбок, не сновали туда-сюда, а медленно вращались, поскольку банка стояла рядом с обогревателем.

После операции Феликс безостановочно ел. И толстел. В глазах пустота. Он и раньше был безразличен к окружающему миру, а теперь и подавно.

Я, напротив, с возрастающим любопытством наблюдала за происходящим и внимательно следила с парапета балкона за соседним домом и школой с флагом. Ничего особенного мне не открылось, зато я заметила паутину в углу балкона и попыталась вновь наладить межвидовое общение.

Приблизилась к паукообразному существу средней величины коричневого цвета с восемью ногами и восемью глазами. Шла я мягко, неслышно и промурлыкала:

– Здравствуйте, паучок.

Невежа забился в угол, тогда я выпустила коготки, разорвала паутину и освободила муху, которая в ней жужжала. Та улетела, даже спасибо мне не сказала.

Думаю, что любой наш поступок вызывает одобрение одних и недовольство других. Жить и действовать – значит вторгаться в существующий порядок. Паука скрючило от ярости, и он задергался на обрывке паутины, болтавшейся на ветру. Я понимала, что теперь ему и вовсе не хочется со мной разговаривать, но упорно не отставала. Подошла совсем близко и собралась его потрогать, но тут отчаянное мяуканье привлекло мое внимание.

Голос я узнала.

Я немного перегнулась через перила, рискуя свалиться, и увидела вдалеке Пифагора – он вцепился в сук высокого каштана. И сидел там не по своей воле – внизу под деревом заходилась лаем огромная собака.

Сиамец шипел и выгибал спину, но что мог поделать поджарый немолодой кот с немецкой овчаркой в четыре раза больше него?

Уловила волну ужаса, исходящую от собрата.

Никаких колебаний. Помочь ему могла только я.

С собаками я познакомилась в приюте, где прошло мое детство. Я услышала дикий лай и спросила маму, почему эти животные так отвратительно шумят? «Потому что боятся, что их не заберет отсюда человек-хозяин», – объяснила мама. Я сочла это нелепостью. Неужели они не могут обойтись без человека? У них что, нет самоуважения? Они не способны ценить одиночество и свободу? Им непременно нужен хозяин, который бы ими управлял?

Мама мне растолковала, что мы хозяева людей, а люди – хозяева собак.

Тогда чьи хозяева собаки? Мама ответила: «Хозяева блох, которые селятся у них на спине, потому что псы не соблюдают личную гигиену и не вылизываются как следует».

Потом, гуляя вокруг дома, я обнаружила, что собаки настолько примитивные существа, что оставляют какашки прямо на улице, посреди тротуара. Они их не закапывают! У них нет элементарных стыдливости и чистоплотности.

Но сейчас мне надо было срочно прогнать вредную псину, которая напала на моего соседа. Дерзкая импровизация, взвешенная стратегия должны скомпенсировать разницу в нашей весовой категории.

Я спустилась вниз и вылезла через мою особую дверцу на улицу. Быстренько засеменила к месту происшествия. Для начала, чтобы отвлечь овчарку, выгнула спинку, зашипела и замяукала.

Собака обернулась, и я заняла боевую позицию. Сфокусировала взгляд, сузила зрачки, усы распушила, клыки напоказ, шерсть дыбом, задние лапы подобрала для прыжка, хвост опустила, чтоб улучшить аэродинамику.

Я уловила во взгляде овчарки сомнение. Чтобы окончательно переключить ее внимание на себя, я прыгнула на крышу ближайшей машины и, глядя сверху вниз, угрожающе взвыла:

– Я тебя не боюсь!

Взмахнула когтистой лапой в воздухе:

– Выходи на бой, псина!

Овчарка бросилась за мной в погоню.

Хоть я гибкая, ловкая, быстрая, но у меня нет навыка носиться по улицам. И должна признать: у собак мускулы куда крепче. Я мчалась по мостовой, расстояние между нами сокращалось.

Куда, спрашивается, смотрели люди-хозяева? Подумать только, оставили огромную собачищу одну, без поводка и присмотра!

Я мгновенно оценила опасность и сделала ставку на свои преимущества. Я ловко лавирую. Меня не заносит на виражах, поскольку, в отличие от собак, я умею выпускать когти. Свернула на улицу, покрытую асфальтом, и запетляла под колесами стоящих машин.

Громким лаем собака постоянно сообщала мне, где находится: оборачиваться не нужно.

Я продолжала петлять, то и дело выбегая на обочину проезжей части, где стремительно мчались машины. Собака растерялась: как меня ловить, если ее саму могут сбить? Пару раз машины едва ее не задели. Потом в нее врезался скутер. Пес заскулил, заворчал и больше не гнался за мной.

Я обернулась и издали промяукала:

– Эй, псина! Где ты? Неужели устала?

Потом спокойно затрусила обратно, поглядывая по сторонам: восхищаются ли другие коты моей победой в гонке? Поймав их взгляды, я бы с горделивой скромностью вскинула голову. Скромный триумф, но все-таки я надеялась, что какой-нибудь свидетель расскажет о нем всей округе.

Едва ли это мимолетное столкновение коренным образом изменило бы отношения между кошками и собаками, но псам время от времени полезно напомнить, что люди служат нам не зря.

Когда я вернулась, Пифагора и след простыл. Ни малейшей благодарности. Обидно! Вернулась домой раздосадованная. Феликс спросил, где я была, но я не ответила.

Только ночью, когда наши домоправительницы уснули, я услышала зов из соседнего дома. Немного подождала, а потом все же высунула кончик носа.

Пифагор был у себя, на парапете балкона.

Я взобралась на парапет своего, и мы обнюхали друг друга издалека.

Он показался мне весьма импозантным: голубоглазый, изящный, с изысканной посадкой головы.

– Иди сюда, – мяукнул он.

Дважды просить не пришлось. Опасаясь еще раз осрамиться, я не стала перепрыгивать пропасть между балконами, а просто спустилась вниз, вылезла через свою дверку на улицу, потом влезла через дверку Пифагора.

Он ждал меня на пороге. Его домоправительница спала, и он пригласил меня прилечь у камина, где еще тлели угли. Красноватые огоньки плясали в его глазах.

– Благодарю за спасение. Сожалею, что не был радушным хозяином в прошлый раз. Я досадовал на самого себя за то, что сразу открыл тебе слишком многое. Таков мой главный недостаток. Желая поразить собеседника, я откровенно делюсь своими открытиями. Особенно если общаюсь с дамой, даже едва знакомой. А потом корю себя за неосторожность.

– Ты разъяснил мне столько всего, поверь, я тебе благодарна!

– Мне следовало обращаться с тобой повежливей.

– Ты живешь с подружкой. Понимаю, отчего ты сторонишься других кошек, даже соседок.

– У меня нет никаких подружек.

– В твоей комнате я встретила кошку.

– В доме нет ни котов, ни кошек, кроме меня!

– А кто же та, наверху?

Чтобы доказать свою правоту, я побежала наверх. Пифагор за мной. Белая кошка с черными пятнами была там, как я и говорила. И с ней вместе еще один кот, тоже сиамский, похожий на Пифагора.

– Это «зеркало», – объяснил Пифагор. – Человеческое изобретение, которое отражает все, что находится перед ним. Та кошка – это ты. Кот рядом – это я.

Я подошла поближе. И увидела себя впервые, потому что у нас в доме не было такого большого зеркала.

Изучила себя в мельчайших подробностях. Отражение повторяло каждый жест.

– Так вот, значит, как… «я» выгляжу?

Сейчас та, в зеркале, не казалась мне «наглой дешевкой». Возможно, я погорячилась. Такая изящная. Даже очаровательная. Я продолжала приглядываться.

Похоже, я гораздо привлекательнее, чем думала.

Меня заворожило собственное отражение. Страшно представить, не приди я сюда, прожила бы всю жизнь, не зная, на что я похожа, как видят меня окружающие.

Вот это открытие!

Пифагор явно дружил со своим отражением. Он положил лапку на зеркало. Я тоже.

– Тот, кто задумал общаться со всеми вокруг, должен для начала наладить общение с самим собой.

– Как ты узнал, что это зеркало?

– Мне подсказал Третий Глаз.

– Как ты удостоился Третьего Глаза? Почему у меня его нет?

– Секрет. Пошли, я кое-что покажу тебе.

Мы выбрались наружу и побежали рядышком по близлежащим улицам. Даже в поздний час они не опустели. Пифагор, хоть и недавно сюда переехал, отлично знал весь квартал и уверенно вел меня по лабиринту переулков, освещенных

фонарями, к площади, где сидело на скамейках множество людей. В центре белело громадное здание: его стены, увенчанные гигантскими грушами, вздымались выше деревьев. Пифагор указал мне лаз под решеткой, а за ним – подвальное окно. Мы попали в просторный высокий зал с великолепными витражами, картинами и скульптурами.

– Ты здесь бывала когда-нибудь? – спросил он.

– Нет, – ответила я с изумлением.

Он направился к винтовой лестнице, мы взобрались по ней наверх. Подъем был долгим и утомительным, наконец мы оказались на площадке, откуда открывался необыкновенный вид на город.

Я решилась посмотреть вниз и поняла, что падение стало бы для меня роковым. Эта башня много выше деревьев, даже если поставить их одно на другое.

Здесь, на высоте, дул сильный ветер: он растрепал мою шерстку, и вздыбил волнами бежевый мех моего спутника. Порывы ветра взъерошили мне усы. Пренеприятное ощущение.

– Люблю наблюдать с высоты.

– Ты поэтому залез на то дерево, откуда собака не давала тебе спуститься?

– Я всегда забираюсь повыше. Наши когти созданы, чтобы карабкаться вверх, но, увы, не для того, чтоб спускаться. Вниз приходится спрыгивать. А как тут спрыгнешь, если внизу тебя ждет немецкая овчарка и лает?

Я любовалась расстилающимся внизу пейзажем. Увидела повсюду светящиеся точки: неподвижные желтые, подвижные белые или красные.

– Это и есть «их» город. Город людей, – сказал Пифагор.

– Я почти не выхожу из дома. Знаю свой двор, улицу и несколько соседних крыш.

– Люди строят тысячи домов. Вплотную, один к другому. Насколько хватает глаз. Этот город называется Париж.

– Париж, – повторила я.

– Мы на холме, в квартале Монмартр, на вершине их культового здания, церкви Сакре-Кёр.

– Ты узнал все это благодаря Третьему Глазу?

Пифагор не ответил. Я любовалась панорамой, открывшейся перед нами. Из того, что говорил Пифагор, понимала немногое. Но если слушать его подольше, можно путем сопоставления и анализа расшифровать смысл его речей. Во всяком случае, я на это надеялась.

Ветер усилился, чуть не сдул нас, я постаралась найти укрытие.

– Хочу знать все, что знаешь ты.

– У людей есть другие города, такие же, как этот, они разбросаны по огромной территории среди гор, долин, полей и лесов. Все вместе называется «страна». Нашу страну зовут Франция. Она находится на гигантском шаре, на планете Земля.

– Я бы хотела узнать, для чего я существую, почему я – это я и что я должна делать здесь, на Земле.

– Я познакомил тебя с географией, но тебя, должно быть, гораздо больше заинтересует история.

Пифагор глубоко вздохнул, вылизал правую заднюю лапу, почесал ею за ухом, потом поднял голову.

– Хорошо, вот первый урок истории: все началось четыре с половиной миллиарда лет тому назад, когда возникла Земля.

Я не решилась спросить, что такое миллиард, но сообразила, что это самое большое число из всех, какие я знаю.

Мы смотрели на небо, усеянное звездами, и вдруг падающая звезда рассекла небо слева направо.

– Вначале не было ничего, кроме воды.

– Не хотела бы я жить в те времена. Ненавижу воду.

– Тем не менее все возникло из воды. Жизнь появилась в виде крошечных водорослей, которые постепенно превратились в рыбок. В один прекрасный день одна из рыб выбралась на берег.

Я не задавала вопросов Пифагору, не хотела прерывать нить его повествования. Но когда он упомянул о рыбах, то неужели подразумевал таких, как… Посейдон?

– Первая рыба сумела выжить на суше и оставить потомство. Ее потомки превратились в ящериц. Ящерицы росли-росли и выросли до гигантских размеров. Их называют «динозавры».

– «До гигантских размеров» – это как?

– Стали величиной с колокольню, на которой мы сейчас находимся. Они были очень свирепые, с огромными зубами и когтями. Все остальные животные их боялись. Они становились все более умными и организованными.

Пифагор выдержал паузу, вздохнул, облизнул пересохшие губы.

– А потом с неба упал метеорит, громадный камень, он изменил атмосферу и температуру на Земле. Динозавры все вымерли, остались только маленькие ящерки и млекопитающие.

– Кто такие «млекопитающие»?

– Первые теплокровные животные, покрытые шерстью, способные выкармливать детенышей молоком. Можно сказать, такие же, как мы с тобой. Семь миллионов

лет тому назад появились первые предки людей и первые предки кошек. Три миллиона лет назад предки людей разделились на крупных и мелких. Предки кошек тоже разделились на крупных и мелких.

– Ты хочешь сказать, что раньше были большие кошки?

– Да. Они и сейчас есть. Люди их называют «львы». Но теперь их осталось не так уж много.

– А насколько они огромные?

– В десять раз больше тебя, Бастет.

Я попыталась представить себе кошку необыкновенной величины.

– Эволюция избрала мелкие разновидности, они оказались умней. Мелкие люди и мелкие кошки успешно развивались параллельно еще десять миллионов лет. К тому времени люди научились земледелию: они выращивали растения и собирали зерна. Хранили запасы зерна, но мыши принялись их поедать, а на мышей охотились…

– Наши предки?

– Когда люди заметили, что кошки помогают сохранять запасы в целости, они стали относиться к нам с уважением.

– Они не могли обойтись без нас… И согласились нам служить, верно?

– В силу многих причин люди и кошки неплохо ладили в те времена.

– Выходит, кошки сблизились с людьми добровольно? Я правильно поняла?

– Мы их выбрали, помогли им жить в сытости и довольстве, а в ответ они решили дать нам кров и еду. На острове Кипр нашли захоронение, которому семь тысяч пятьсот лет, и в нем скелет человека покоился рядом со скелетом кошки.

– А что такое захоронение?

– Когда люди умирают, они не позволяют другим животным их съесть, и сами не едят трупы. Люди прячут мертвых соплеменников под землю.

– Чтобы их съели черви?

– Да, так они договорились. Присутствие кошки в захоронении говорит о том…

– Что они нас почитают.

– На сегодня ты узнала достаточно, Бастет. В следующий раз я расскажу, что было дальше с людьми и кошками.

– Когда?

– Если хочешь, Бастет, мы будем с тобою видеться время от времени, и я расскажу тебе все, что знаю о мире людей. Возможно, ты поймешь, что, прежде чем наладить с ними общение по принципу «прием-передача», ты должна еще многое у них перенять. Их познания весьма удивительны для кошки, лишенной Третьего Глаза (конечно, он имел в виду «для невежественной кошки»).

Облака медленно наползали на луну, и Пифагор предложил спеть вместе во всю силу легких. Предложение мне понравилось. Звуковые вибрации вылетали из моего горла, пронизывали все мое существо, наполняя мощным, прежде неведомым ощущением: наши голоса, сливаясь, обретали полноту.

Ветер раздувал мою шерсть, трепал усы, я чувствовала пробегающие по спине волны.

Мне было хорошо, мы долго пели с Пифагором, а потом я устала и просто замурлыкала от удовольствия, любуясь Парижем, где понемногу гасли разноцветные огоньки.

Разумеется, мне бы очень хотелось, чтобы Пифагор открыл мне свой секрет, тайну Третьего Глаза, который давал ему возможность получать такие ценные сведения, но я понимала: настойчивость ни к чему не приведет. Я повторяла про

себя все, что он мне сегодня рассказал. Благодаря ему я стала кошкой, которая неплохо разбиралась в происходящем вокруг и даже знала историю своих предков. Заметила: чем больше узнаю, тем легче усваиваю новые знания. Отличное начало!

Мы спустились с колокольни вниз и побежали по улочкам холма Монмартр.

Мне нравились изящные движения моего спутника.

– Как ты думаешь, людям по-прежнему угрожают войны? – спросила я, чтобы прервать молчание.

– Война все ближе и ближе. Не думай, что случай в начальной школе уникален. Не проходит ни дня без террористического акта. Нам с тобой нужно пристально следить за тем, как развивается болезнь саморазрушения у наших соседей-людей.

Я рассеянно вылизывала плечо.

– Пусть люди убивают друг друга, нас это не касается.

Он покачал головой с недовольством:

– Не обольщайся. Наши судьбы тесно переплетены. Мы от них зависим, а теперь существует реальная опасность, что люди вымрут, как вымерли некогда динозавры.

– Я чувствую, что вполне справлюсь и без них.

– Нам придется делать много такого, чего мы никогда не делали прежде.

– Ну так мы научимся!

Пифагор тронул меня лапкой, желая образумить, и пристально посмотрел мне в глаза.

– Не думай, что это просто, Бастет. Война разгорается, ширится, становится опасной даже для кошек.

Я заметила, что Пифагор уже несколько раз называл меня по имени. Думаю, теперь я стала для него что-то значить. Похоже, он понял, что я тоже особенная.

Я бежала рядом с Пифагором, гордо задрав хвост. Тревоги не ощущала вовсе. Как ни странно, новые знания меня успокаивали. Я стала лучше понимать, кто я; увидела, как я выгляжу; узнала, где живу и что вокруг происходит.

Обладать знаниями, на мой взгляд, – наибольшая из привилегий. Мне искренне жаль всех тех, кто прозябает в невежестве.

8

Блуждающий огонек

Натали похрапывала, приоткрыв рот. Шерсть на голове спутана, ресницы подрагивали во сне.

Я промурлыкала ей на ушко:

– Спи сладко, спи безмятежно, домоправительница. Твой мир под угрозой, терроризм и война вот-вот его разрушат. Но ты не тревожься, мы с Пифагором рядом, просвещенные энергичные коты. Мы тебя защитим!

На рассвете я тоже решила немного вздремнуть, восстановить силы и ясность рассудка. Свернулась клубочком в корзине и не спеша погрузилась в дремоту, размышляя о Пифагоре.

Не верю, будто мир людей можно постичь при помощи дыры во лбу. Нет-нет, у сиамского кота особый дар. Он сказал: «Секрет». Хорошо бы вызнать, в чем он заключался.

Пифагор знал названия человеческих изобретений и предметов, понимал, для чего они предназначены. Помнил, как называются разные животные. Разумно объяснял человеческие поступки. А я всего лишь различала имена окружающих, если их часто повторяли вслух…

Тут я погрузилась в глубокий сон.

Мне приснились рыбы, похожие на Посейдона. Они выползали из воды на сушу. Я осторожно трогала их лапкой. Потом они превратились в ящериц. Я их ловила, отрывала им хвостики, но те отрастали вновь. У меня на глазах ящерицы преобразились в гигантских ящеров. Я от них сбежала и спряталась. Звезда вдруг упала на Землю. Небо почернело, ящеры погибли. В высокой траве резвились высокие и мелкие люди, крупные и небольшие коты. Мелкие люди прогнали высоких, мелкие кошки – крупных. Выжившие люди кормили оставшихся котов, а те помогали им: ловили мышей и дарили их. В знак благодарности человек засыпал навеки вместе с котом в глубокой подземной норе.

Потом я увидела Пифагора, за ним гналась страшная собака. Я спасла его, и мы слились в порыве страсти.

Пифагор закусил мне загривок.

Резкий звонок в дверь разбудил меня.

Зевнула, потянулась. Отлично выспалась, бодра и весела.

Явился Тома, любовник домоправительницы. Вот уж кого я терпеть не могу! Они болтали по-человечьи, затем лопали на кухне нечто коричневое, пахнувшее горячей говядиной, и белые мягкие ленты, не пахнувшие ничем. С жадностью слизывали с ложечек желтый крем, зачерпывая его из круглых маленьких мисок. Нас с Феликсом Натали тоже вовремя накормила. Я чувствовала, что в присутствии самца от нее исходили особые вибрации. И сама с нетерпением ждала ночи, когда встречу любимого.

На всякий случай потерлась о ноги людей, пропитала их своим запахом. Натали и Тома ели, не обращая на меня ни малейшего внимания. Пришлось выпустить коготки и ободрать деревянную спинку стула. Вот тогда Тома соизволил меня заметить. Назвал по имени и достал из кармана пиджака серебряную палочку. Еще раз позвал и вдруг… извлек из палочки дивный красный круглый огонек, заплясавший на кафеле. Я не могла остаться равнодушной к сияющей красоте, скачущей по кухне во все стороны. Я прыгнула, чтобы поймать огонек, но он мигом перебежал на стену. Подпрыгнула повыше, нет, он уже на шторе. Я не могла схватить красный кружок ни на шторе, ни на стуле, ни на диване, ни на полу передо мной, ни в дальнем углу… Внезапно заметила огонек у себя на хвосте. На этот раз его нельзя было упустить, и я крепко цапнула себя за хвост, завопив от боли. Красный огонек бесследно исчез…

Люди разинули рты, издавая неприятные громкие горловые звуки и тыкая в меня пальцами.

Я была сама не своя от досады и стыда за то, что проявила слабость, позволила втянуть себя в дурацкую игру.

Никто не смеет меня унижать. В особенности люди, отданные мне в услужение.

Я забилась в угол гостиной и обдумывала план мести, а они преспокойно доели и, как всегда, устроились здесь на диване перед своим чудовищным телевизором.

Я тоже внимательно следила за сменой картинок. Благодаря Пифагору смогла понять, что там показывали, как люди убивают друг друга где-то далеко, в других городах. Страшные сцены комментировал ведущий: широкоплечий, прилизанный. Он постоянно улыбался и что-то монотонно бубнил, будто бы ужасы войны ничуть его не задевали.

Натали прекрасно владела собой и горьких слез не проливала. Похоже, привыкала понемногу к жестокости окружающего мира.

И вновь их полностью захватил футбол. Тома орал в телевизор. Вскакивал, размахивал кулаками. Никакая война не вызывала у него подобного яркого эмоционального отклика.

Я воспользовалась тем, что футбол отвлек его, и незамедлительно осуществила коварный замысел: написала гостю в ботинки, которые он по обыкновению оставил в прихожей, чтобы не испачкать мне пол.

Затем взобралась на холодильник, откуда меня не достать, и стала ждать, что будет. Вскоре Тома обнаружил мой «подарочек» и взбесился. Я так и думала, что он завопит, забегает, размахивая мокрыми ботинками, будет меня отчаянно ругать. Он действительно повторял мое имя с излишней враждебностью. Натали тоже явно говорила обо мне, но куда дружелюбней. Ей не удалось его успокоить. Он повсюду искал меня, так что я сжалась на холодильнике в комок, чтобы снизу меня не заметили.

Люди принялись кричать друг на друга. Тома вел себя отвратительно.

В конце концов он выскочил из моего дома в одних носках с ботинками под мышкой и хлопнул дверью.

Натали ошеломленно смотрела ему вслед, потом упала в кресло и расплакалась. Я спрыгнула с холодильника и осторожно приблизилась к своей домоправительнице. Вскочила к ней на колени, потерлась носом о ее нос, но она меня даже не поцеловала. Я принялась мурлыкать на низкой частоте примерно следующее:

– Этот самец тебя недостоин!

Натали была безутешна. Тогда я слизала соленые слезы с ее щек и попыталась внушить ей другую мысль:

– А вот я тебя никогда не подведу и не брошу!

Она все никак не могла успокоиться. Я подумала, что нужно убедить ее найти себе другого самца, получше. Скорей всего, Натали вполне привлекательна по людским меркам (мне-то все люди кажутся уродами, но раз они вступают в половой акт, значит, чем-то нравятся себе подобным).

Объяснила ей по-дружески, что обольстить самцов совсем несложно. Только выйди из дома и хорошенько выстави то, что у тебя под хвостом. Пусть оно

будет розовым и слегка набухшим, такое им больше по вкусу. На запах особого секрета половых желез голодные особи мужского пола сбегутся мигом со всех сторон.

Домоправительница не понимала меня и не слушалась. Не завопила, не выбежала на крышу, не показала всем голую задницу, как я ей советовала. Наоборот, плотнее укуталась еще в два пледа, так что ни аромата, ни фигуры не различишь.

Нашу телепатическую связь необходимо усовершенствовать.

В довершение всех бед Натали закурила… Опять! Хуже и не придумаешь!

Никогда не пойму этой гнусной привычки. Зачем по доброй воле вдыхать грязный вонючий дым?

Меня затошнило, мне вовсе не хотелось, чтобы шерсть пропахла мерзким табаком. Поэтому я с возмущением удалилась на третий этаж. К счастью, дверь балкона оставалась открытой, и я без труда вскочила на перила, вспоминая, как вчера встретилась здесь с Пифагором.

Замяукала, призывая его. Издала сложную мелодичную руладу.

В окне напротив промелькнул силуэт.

Без лишних слов договорились вновь подняться на Сакре-Кёр и побеседовать в вышине.

Встретились внизу на улице, потерлись лбами и носами, а затем отправились в путь.

Добрались до площади, вскарабкались на самый верх высоченной колокольни. Заметно похолодало, и ветер дул сильней, чем вчера. Я продрогла насквозь, но нигде в другом месте мы не смогли бы общаться столь плодотворно.

– Сегодня меня унизили при помощи красного огонька, – пожаловалась я ему.

– Огонька из лазерной указки? Как-то и мне пришлось погнаться за ним. Чтобы противиться искушению, необходимо укреплять волю. После упорной тренировки некоторые успешно преодолевают его.

– Хуже того, люди издавали ртами громкий противный шум.

– Это они смеялись.

Я решила сменить неприятную тему:

– Что заставляет людей убивать друг друга с такой жестокостью?

– Причин много. Одни стремятся отобрать у соседей обширные плодородные земли, богатства, юных плодовитых самок. Другие пытаются обратить их в свою веру, служат своему Богу.

– А кто такой «бог»?

– Некий воображаемый Хозяин. Великан, живущий на небесах. Так они зачастую представляют себе Его. С белой бородой, в белых одеждах. Он устанавливает закон, решает, что хорошо, а что дурно. Он их судит. Он предопределил все, что происходило, происходит и будет происходить с людьми.

– Воображаемый Хозяин? То есть они его сами выдумали?

– У людей особая страсть к плодам собственного воображения. Ради своих выдумок они готовы умирать и убивать. Увы, приходится признать, что с некоторых пор и терроризм, и войны оправдывают идеей Бога.

– Хотя ни один человек Бога не встречал, я правильно поняла?

– Кошкам это кажется нелогичным, согласен. Однако люди смертельно боятся свободы и ответственности за собственные поступки, поэтому они придумали Бога, Хозяина. И убедили себя в том, что постоянно выполняют Его волю, а сами как бы ни при чем. Послушные рабы. Мол, все творится по Его произволению. Служители Бога охотно говорят от Его Имени, чтобы запугать и подчинить себе слабодушных. В отличие от людей, мы, коты, способны отвечать за свой выбор.

Свободы мы не страшимся, следовательно, не нуждаемся в том, чтоб за нами присматривал с небес гигантский Кот.

Вылизываясь, я размышляла об услышанном. Действительно, я ни на кого не перекладываю ответственности за то, что со мной случается, и стремлюсь всецело самостоятельно улучшить свою жизнь. Будто угадав мои мысли, Пифагор продолжал:

– Тем не менее все-таки стоит опасаться угрозы с небес. В прошлом смерть не раз обрушивалась на Землю из космоса, уничтожая все живое в единый миг. Насчитывают пять глобальных катастроф. Тогда мало кто уцелел. Последняя, шестьдесят шесть миллионов лет назад, погубила семьдесят процентов животных, в том числе и динозавров.

– Ты считаешь, что надвигается шестая глобальная катастрофа?

– Мировая война. Терроризм. Человечество научилось убивать стремительно в чудовищных масштабах. События последних лет доказывают, что люди охотно истребляют себе подобных. Когда ты напала на свое отражение в зеркале, то чувствовала то же, что и они. Природа им больше не соперница, поэтому человеческая агрессия теперь направлена на их собственный вид.

Я кивнула, он добавил с некоторым сомнением:

– Иногда мне кажется, что они сокращают свою популяцию, бессознательно стремясь защитить от самих себя окружающую среду и других животных. Люди на планете чрезмерно расплодились.

Пифагор вылизал все четыре лапы, почесал за обоими ушами. Я с нетерпением ожидала продолжения лекции.

– Ну что, ты готова ко второму уроку истории, Бастет?

Я устроилась поудобней, лапки поджала, хвост спрятала под животик.

– Мы говорили о Кипре, теперь перейдем к Египту. Это далекая жаркая страна. Ныне там бескрайняя пустыня. Примерно в 2500 году до Рождества Христова (то

есть 4500 лет назад, поскольку Христос, почитаемый людьми, родился за 2000 лет до нас с тобой, а от Его дня рождения они ведут летоисчисление) египтяне почитали Сехмет, богиню с головой львицы. Одна беда, львицы, посвященные Сехмет, то и дело пожирали жрецов, приносивших им пищу. Египтяне пожалели жрецов и придумали для Сехмет сестру, богиню с головой кошки. Ее назвали… Бастет.

– Меня тоже зовут Бастет! Как египетскую богиню, которой служили в древности люди!

– Египтяне заметили, что кошки полезнее львов. Они ласковые, не такие опасные, их легче прокормить. К тому же они успешно оберегали зернохранилища от крыс и мышей. И еще не пускали в жилища людей скорпионов, змей, громадных ядовитых пауков.

Я представила себе мир, где кошкам воздвигали храмы.

– Египтяне называли кошек «миу». Забавно, что многие народы, давая нам имя, подражали нашей речи.

– Расскажи еще о Бастет. Хочу знать, чем она ведала.

– Бастет – богиня красоты…

Я так и думала.

– И плодовитости.

Почему бы и нет?

– Особенно Бастет чтили в древнеегипетском городе Бубастис. Там в ее честь построили храм из красного гранита. Его населяли сотни котов и кошек. Раз в год в честь богини устраивали грандиозное празднество. Десятки тысяч людей со всех концов Египта несли кошкам разнообразные дары.

Прекрасный обычай.

– Люди пели, плясали, на все лады повторяли имя «Бастет». Ели, пили от души и были безмерно счастливы, прославляя богиню с головой кошки.

– Что ж, на мой взгляд, религия не так уж и плоха.

– Бастет исцеляла детей и оберегала души на пути в царство мертвых. Египтянки стремились уподобиться кошкам. Делали насечки на щеках, подражая нашим усам. Впрыскивали себе кровь кошки, надеясь перенять нашу красоту и сообразительность.

– Любопытная эпоха, ничего не скажешь!

– В древности египтяне украшали наших предков наравне с людьми. Дарили драгоценности, ожерелья, серьги. Умерших кошек бальзамировали и чествовали, погребали в гробницах.

– Даже если их домашние люди еще не умерли?

– В знак траура по котам люди сбривали брови. Мумии кошек оборачивали в благовонные саваны, на морду им надевали маску с портретным сходством.

Слушая Пифагора, я попутно сделала вывод, что ведь и мы, оказывается, когда-нибудь умрем…

– Если человек обижал кошку, его наказывали кнутом. Если он убивал кошку, его удушали.

– Обожаю Египет! А он до сих пор существует?

– На карте мира есть такая страна, однако ни от той цивилизации, ни от тех ценностей ничего не осталось. И виновата в этом опять-таки война. В 525 году до Рождества Христова персидский царь Камбис II осадил крупный египетский город Пелузий, но не смог его взять. Ему сообщили, что египтяне почитают кошек. Тогда он приказал своим воинам привязать к щитам живых котов…

– Не может быть! Какой ужас!

– Египтяне не смогли стрелять из луков, побоявшись ранить священных животных, и сдались без боя. Камбис II провозгласил себя новым фараоном, подверг пыткам и убил предыдущего, а также всю египетскую аристократию и жрецов. Разрушил египетские храмы, не пощадив и храм Бастет в Бубастисе. Опозоренных храмовых котов он принес в жертву персидским богам. Так был уничтожен культ кошек и египетской богини Бастет.

Кошмар! Я торопливо очистила шкурку от миазмов тех чудовищных и трагических давних событий.

– Как посмели те люди распоряжаться нашими судьбами?

– Люди сильнее нас.

– Я хозяйка в доме, а моя домоправительница мне прислуживает.

– Ты ошибаешься. Власть принадлежит людям. На то есть немало причин. Во-первых, они крупнее нас. Во-вторых, у них гибкие кисти рук с подвижными пальцами, причем большой расположен так, что им удобно мастерить самые сложные механизмы. Это приумножает их могущество. В-третьих, мы живем не более пятнадцати лет, а они не менее восьмидесяти. Таким образом, они накапливают больше опыта. В-четвертых, мы спим обычно полдня, а они – от силы восемь часов.

– Иными словами, мы тратим на сон половину жизни, а они – всего треть…

– Не уверен, что во сне мы эволюционируем успешней.

– Зато мы отлично лазим по деревьям и быстро бегаем. У нас подвижный позвоночник, а у них нет. Хвост помогает нам лучше сохранять равновесие. Мы видим в темноте. Улавливаем усами магнитные волны. Они даже мурлыкать не умеют!

– Все это второстепенные преимущества. Ты просто себе не представляешь, какой великий необыкновенный дар – их рука с ловкими пальцами! Благодаря подвижным пальцам они могут…

– Могут что?

– Могут… Могут трудиться!

– «Трудиться» – это как?

– Каждое утро твоя домоправительница уходит из дома и трудится. Ее личный труд способствует изобретению, производству, использованию или распространению каких-то общих благ.

Переизбыток новых сведений не укладывался у меня в голове. Я в который раз подивилась, как умудрялся сиамский кот не запутаться в сложном мире людей.

– Ты хочешь сказать, что я глупей домоправительницы?

– Нет, только то, что тебе еще во многом предстоит разобраться.

Все, на сегодня хватит. Мне захотелось вернуться домой и в одиночестве поразмыслить над всеми странными удивительными вещами, которые я узнала. Ясно одно: меня назвали в честь древнеегипетской богини, женщины с кошачьей головой, которой люди некогда поклонялись.

9

Труд ужасен!

Мне приснился сон.

Будто я богиня Бастет с телом женщины и головою кошки. Я хожу вертикально на задних лапах. На мне синее платье с оранжевой каймой, на шее – тяжелое ожерелье, на запястьях – широкие браслеты. У меня прелестные розовые кисти рук, без подушечек и убирающихся когтей, зато с подвижными суставчатыми пальцами, напоминающими лапки паука.

В красном гранитном храме Бубастиса тысячи людей выкликают мое имя:

– Бас-тет! Бас-тет!

Вместо одной домоправительницы у меня теперь сотни слуг. Они несут мне подносы с еще живыми трепещущими мышами, блюдца с молоком, миски сухого корма.

В толпе людей, приносящих дары, лишь один привлекает мое внимание. У него мужское тело и голова Пифагора. Я беру его за руку, тянусь к нему губами, мы облизываем друг друга. Прежде то, как люди лижутся, вызывало у меня отвращение, но теперь мне понравилось.

Пифагор шепчет мне на ухо: «Каждое утро твоя домоправительница уходит из дома и трудится… Мы живем не более пятнадцати лет, а они не менее восьмидесяти… Такова эволюция: от рыб – к динозаврам, от динозавров – к людям».

Он указывает на толпу моих прихожан и мяукает: «Кто же придет на смену людям?»

Горы даров растут, как вдруг в храм врывается человек в странном одеянии. Он похож на Тома. Он явился с отрядом воинов, вооруженных до зубов. Они привязывают к щитам котов, те вырываются и кричат. Мои прихожане погибают в неравном бою. Коты убиты, слуги истекают кровью, Пифагор мертв. Огромные статуи людей с кошачьими головами повержены, храм разрушен.

Поскольку я наполовину человек, от горя и отчаяния у меня из глаз текут соленые слезы.

Меня разбудил Феликс. Он вылизывал мне веки. Я взмахнула когтистой лапой и наградила его пощечиной. Знай свое место, не нарушай запретов! Он покорно отступил и понурился в знак подчинения.

Я встряхнулась, выскочила из корзины, потянулась, зевнула, тщательно вылизала всю шкурку, смывая его слюну.

Поскольку я проснулась необычайно рано, то застала домоправительницу в прихожей: она как раз собиралась уходить. Меня одолело любопытство: что именно она делает, когда «трудится»? Решила незаметно проводить ее и вызнать этот секрет.

Как только она захлопнула дверь, я выбралась наружу через собственную дверцу.

И вот я на улице. Прежде мне как-то не доводилось днем отдаляться от дома одной. Правда, я отвлекала однажды овчарку, напавшую на Пифагора, но тогда смотреть по сторонам было решительно некогда.

Утром мостовая насквозь пропиталась запахом собачьих фекалий и мочи. Котами не пахло вовсе. Я оказалась в толпе спешащих людей. Домоправительница спустилась по ступеням под землю. Я тихонько проскользнула за нею следом.

Здесь скопились сотни человеческих особей, они толкались и шаркали подошвами. Я пробиралась среди ног в брючинах и чулках. Никто из женщин и мужчин меня не замечал.

Вдруг толпа остановилась у края глубокого рва и замерла. Из темного туннеля донесся нарастающий гул. «Что за чудовище выскочит сейчас из темноты?» – подумала я. И тут увидела два огромных светящихся глаза. Громадный зверь несся к нам и рычал. А вдруг не все динозавры вымерли после пятой глобальной катастрофы? Горящие глаза приближались, вот показалась гигантская голова. Невыразительная плоская морда. Лап нет совсем. Длиннейшее туловище. Внезапно бок чудища раскрылся, толпа хлынула внутрь, втащила за собой домоправительницу, сгрудилась в звериной утробе. Я последовала за ней. Вдохнула разом великое множество разнообразных резких запахов. Глаза Натали остекленели, руки безвольно болтались, она как будто уснула стоя.

Мне бы здесь поспать не удалось: мешали противный лязг, металлический скрежет, да и дверцы в боку то и дело разъезжались. Когда зверь останавливался, бок вновь раскрывался, часть людей выходила, часть, толкаясь, лезла ему в живот.

В конце концов вышла и Натали, миновала длинный переход, стала подниматься по лестнице на поверхность. Она торопилась, все ускоряла шаг, пропустила

несколько машин, перешла на другую сторону улицы, едва не вляпалась в собачьи какашки. Я неслышно семенила за ней по пятам.

Мы остановились на просторной площадке, покрытой грязью и горами песка. Странное место. Здоровенные машины изрыгали черный дым. Высились ажурные металлические башни с перекладинами наверху. Повсюду суетились люди в желтых пластмассовых касках. Натали пожимала встречным руки, называла их по именам.

Она тоже напялила желтую каску и принялась командовать теми, кто тащил серые кубики, длинные деревяшки, черные трубы. Вдалеке громадный зубастый совок рыл землю. Внезапно все разбежались кто куда и заткнули уши, с опаской глядя на старый дом. Натали нажала на красную кнопку, раздались одновременно четыре взрыва по углам здания, оно рухнуло, исчезло в туче пыли. Когда пыль рассеялась, машины принялись разгребать и растаскивать обломки. Выходит, моя домоправительница трудится, взрывая дома…

Как жаль, что рядом не было Пифагора, уж он бы мне подробно разъяснил смысл действий всех этих людей, ничего бы не упустил.

Неужели разрушение – тоже труд? Так вот чем занимается Натали в свободное от забот обо мне время! Решила разузнать побольше и отправилась осматривать площадку. Так увлеклась наблюдением за людьми, что не заменила, как прямо на меня поехала задом гигантская машина: вот-вот задавит… Отпрыгнуть в сторону я не успела, пришлось распластаться под машиной в какой-то черной вязкой жиже. Липкая маслянистая гадость облепила меня до ушей, сковала движения. Когда машина проехала, я не смогла выбраться из липкого болота, забарахталась, завопила во всю мочь, и, к счастью, люди заметили, что я в беде.

Кто-то вытащил меня из черной пакости, завернул в большую тряпку. Я не сопротивлялась. Мои спасители неприятно тявкали – Пифагор сказал бы: «Смеялись», – вокруг нас собралась толпа. Подоспела и Натали. Узнав свою Бастет, она сначала удивилась, потом рассердилась, схватила за шкирку и потащила прочь. Я опять-таки не возражала. В детстве мама точно так же переносила нас с места на место.

Я не предвидела последствий. Они оказались чудовищными.

Удерживая меня железной хваткой, Натали приблизилась к раковине, свободной рукой открыла кран. Я вопила оглушительно, чуть голосовые связки не порвала, в который раз сожалея о том, что не наладила с ней телепатического общения. Раковина наполнялась водой. Деловитость Натали добра не предвещала. А ведь домоправительница отлично знала, что я не выношу ничего мокрого, не говоря уже о водных процедурах. Я попыталась брыкаться, но она держала крепко.

Домоправительница насыпала в раковину белый порошок, взбила пену и… безжалостно неотвратимо погрузила меня прямо в воду, хоть я в панике все руки ей разодрала… Неописуемые страдания! Хуже и быть не может.

Макнула с головой, чуть не утопила. Моя бедная, белая с черными пятнами, длинная шерсть отяжелела, разбухла. Натали показалось мало этой пытки, она принялась втирать в мою шкурку светлую пену, черневшую на глазах. По крайней мере, гнусная смола успешно отстирывалась… Я-то надеялась прожить всю жизнь мирно, без единого купания, и вдруг на меня обрушилась несправедливая кара! Вот до чего доводит жажда знаний, бескорыстное стремление постичь суть человеческого труда…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/bernar-verber/zavtrashniy-den-koshki-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити